

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ:
АРТЕФАКТ, ПАМЯТЬ, ИМАГИНАЦИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ДИСКУРСАХ

Коллективная монография

Нижний Новгород
2025

УДК 82.09
ББК Ш83.3(0)
М 25

Рецензенты:

Шастина Е.М. – д.филол.н., профессор кафедры немецкой филологии Елабужского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета

Ильченко Н.М. – д.филол.н., профессор кафедры русской и зарубежной филологии Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина

Ответственные редакторы:

д.филол.н., профессор Т.А. Шарыпина

д.филол.н., профессор М.К. Меньщикова

М 25 **Метаморфозы истории: артефакт, память, имагинация в художественных дискурсах:** Коллективная монография / Отв. ред. Т.А. Шарыпина, М.К. Меньщикова. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2025. – 593 с.

ISBN 978-5-908049-34-4

Коллективная монография «Метаморфозы истории: артефакт, память, имагинация в художественных дискурсах» продолжает серию изданий, посвященных комплексному изучению национально-культурных кодов мировой словесности.

В монографии рассматриваются проблемы изучения культурной памяти как исторического феномена, исследования художественного текста с точки зрения феномена историзма; трансформация архетипов культурной и исторической памяти в эпоху постмодерна, в том числе проблема рассмотрения истории как текста/историчности текстов. Особое внимание уделено проблеме трансформации смысла и значимости событий макроистории в множественности микроисторий, воплощающих особенности литературного конструирования национальной (коллективной, культурной, групповой, индивидуальной) идентичности. В свою очередь названный аспект дискутируемой проблемы поднимает проблемы мифологизации, ритуализации, сакрализации и десакрализации прошлого в литературных текстах.

Подготовленная кафедрой зарубежной литературы ННГУ монография представляет научный интерес для филологов, культурологов, искусствоведов, историков и всех, кто интересуется развитием мировой словесности.

УДК 82.09
ББК Ш83.3(0)

ISBN 978-5-908049-34-4

© Коллектив авторов, 2025

© Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2025

48. Salida Cultural en Morzarzal al Museo de Arte Contemporáneo de Madrid // Ayuntamiento de Morzarzal. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.morzarzal.es/events/salida-cultural-en-morzarzal-al-museo-de-arte-contemporaneo-de-madrid/> (дата обращения: 23.10.2025).

49. Потемкина, М.Н., Савичева, Ю.О. Производственная адаптация женщин в условиях Великой Отечественной войны (на примере Магнитогорского металлургического комбината) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2016. № 1. С. 77–86.

50. Molinero, C., Ysàs, P. Productores disciplinados: control y represión laboral durante el franquismo (1939-1958) // *Cuadernos de relaciones laborales*. 1993. № 3. P. 33–49.

51. Muñoz, S.G. Las luchas feministas. Las principales campañas del movimiento feminista español (1976–1981) // *Investigaciones feministas: papeles de estudios de mujeres, feministas y de género*. 2017. № 2. P. 585.

52. Balaguer Ribera, A. La mujer en publicidad: evolución de los mensajes publicitarios desde los años 60 hasta la actualidad en la televisión española. 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rua.ua.es/dspace/handle/10045/68398> (дата обращения 06.10.2025).

**LACUNARITY THROUGH THE LENS OF HISTORY:
THE EXPERIENCE OF TRANSLATING N. BARANSKAYA'S STORY
«A WEEK LIKE ANY OTHER» INTO SPANISH**

Y.N. Sandler

This chapter examines the experience of translating N. V. Baranskaya's story «A Week Like Any Other» (first published in 1969, author's edition 1989) into Spanish. The analysis focuses on the challenges of translating lacunae caused by the story's historical and cultural context, as well as the strategies employed for their compensation in the translation. Particular attention is paid to concepts and lexemes that represent motivated lacunae relative to the Spanish language. The Spanish translation of the story is the first of its kind. The author of the chapter is also the translator, which allows for a combination of analytical and practical approaches to the material.

Keywords: lacuna, lacunarity, Sovietism, Baranskaya, Spanish language, Soviet literature, Francoism.

**2.15. СОМАТИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ:
ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ
И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО,
АНГЛИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ)¹**

© А.Р. Нурутдинова

Исследование направлено на установление универсальных и этноспецифических черт в репрезентации культурной памяти, закодированной в телесных метафорах. В основе методологии лежит лингвокультурологический и сопоставительный анализ, позволяющий определить ядро общих антропологических концептов и периферию культурно-обусловленных смыслов. В результате исследования установлено, что универсальность

¹ Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ.

базируется на общности человеческого физиологического опыта, в то время как специфика детерминирована национальной картиной мира, системой ценностей и особенностями менталитета. На материале паремиологических единиц с соматическим компонентом, доказано, что тело служит не только биологическим, но и фундаментальным культурно-символическим ресурсом для осмысления и вербализации ключевых жизненных концептов.

Ключевые слова: соматический код, культурная память, паремиология, языковая картина мира, лингвокультурология, сопоставительный анализ, русский язык, английский язык, японский язык.

В современной лингвистике антропоцентрическая парадигма выдвигает на первый план изучение языка как ключа к пониманию национального сознания и культурных кодов. Одним из наиболее продуктивных и в то же время недостаточно изученных аспектов этого направления является соматический код культурной памяти, который находит своё концентрированное выражение в паремиологическом фонде языка. Пословицы и поговорки, содержащие наименования частей тела (соматизмы), представляют собой не просто украшение речи, а устойчивые «конденсаторы» исторического опыта, нравственных установок и мировоззренческих ориентиров народа. Несмотря на устойчивый интерес к паремиям в целом, сопоставительный анализ соматического кода в разноструктурных и разнокультурных языках, таких как русский, английский и японский, до сих пор не получил комплексного освещения, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Теоретико-методологический фундамент исследования составляют концепции социальной и культурной памяти. Исходной точкой послужила теория М. Хальбвакса, постулирующая социальную природу феномена памяти [1, с. 45]. Ключевое значение для работы имеет развитый Я. Ассманом категориальный аппарат, в частности, предложенное им разделение на краткосрочную коммуникативную и долговременную культурную память. Согласно Ассману, культурная память, аккумулирующая судьбоносные события прошлого, объективируется в устойчивых культурных формах (таких как тексты, ритуалы, памятники) и поддерживается институциональными практиками коммуникации [2, с. 76]. В рамках данного подхода паремиологический фонд может быть рассмотрен в качестве одной из таких стабильных знаковых систем, обеспечивающих хранение и трансляцию культурного опыта. В области лингвокультурологии и паремиологии теоретической основой исследования служат труды отечественных ученых (В.Н. Телия, В.А. Маслова, Р.М. Фрумкина и др.), заложивших основы изучения фразеологизмов и пословиц как отражения национального менталитета. В рамках основанной В.Н. Телия Московской

фразеологической школы сложился лингвокультурологический подход к фразеологии, рассматривающий устойчивые выражения как средство накопления и трансляции культурных знаний [3, с. 127].

Несмотря на разработанность данной проблематики, кросс-культурный аспект, особенно с привлечением материала восточных языков (в частности, японского), долгое время оставался на периферии научного дискурса. В русле работ Q. Wang (2016) демонстрируется, что содержание, структура и валентность автобиографической памяти существенно различаются в западных (евро-американских) и восточноазиатских культурах, различие находит прямое отражение в языке: для западного сознания характерна автономия и самофокусировка, тогда как для восточного – гетерономия и ориентация на социальный контекст; и данная дихотомия проявляется на материале соматических паремий [4, с. 296]. Таким образом, научная проблема заключается в выявлении и системном описании универсальных и этноспецифических характеристик соматического кода, объективированного в паремиях трёх лингвокультур.

Целью данной работы является сопоставительный анализ паремиологических единиц с соматическим компонентом в русском, английском и японском языках для реконструкции универсальных и уникальных фрагментов языковой картины мира. Достижение цели предполагает решение следующих задач:

- отобрать соматические паремии в трёх языках и выявить общие антропологические константы, стоящие за универсальными соматическими образами;
- установить этнокультурную специфику, обусловленную особенностями национального мировосприятия и системы ценностей;
- определить, какие соматизмы являются ядром паремиологического фонда в каждой из лингвокультур и как это соотносится с культурной динамикой памяти.

Тело, будучи первичным источником физического опыта, служит универсальной основой для осмысления абстрактных понятий. Данный когнитивный механизм, общий для всех лингвокультур, позволяет концептуализировать сложные идеи через конкретные телесные формы и ощущения, но языковое воплощение этих концепций, т.е. выбор конкретных телесных образов и их смысловых оттенков – глубоко национален и отражает уникальный исторический опыт и систему ценностей каждого народа [5, с. 129].

Наиболее ярко национальная специфика проявляется в паремиях, которые аккумулируют культурные знания и традиции, выступая маркерами

народного мировидения. Изучение данной специфики через анализ живого языкового материала позволяет реконструировать особенности национальной ментальности, обеспечивающей передачу и сохранение уникальных культурных кодов [6, с. 19].

Анализ подтвердил, что соматизмы – ‘сердце/heart/心 (kokoro), голова/head/頭 (atama), рука/hand/手 (te)’ – образуют ядро в трёх лингвокультурах, что свидетельствует об общности телесного опыта как основы категоризации мира, но их семантические наполнения существенно различаются [7, с. 29].

Концепт ‘сердце’ в русской и английской лингвокультурах актуализирует эмоциональную сферу: ‘Сердце весть не весть, а чует’ [8]; ‘What the heart thinks the tongue speaks’ [3].

В японской языковой картине мира концепт 「心」 (kokoro) представляет собой фундаментальный холистический конструкт, нерасчленимо объединяющий то, что в европейской традиции принято дифференцировать: эмоциональную сферу (‘сердце’), интеллектуальную деятельность (‘разум’, ‘ум’) и духовно-нравственное начало (‘душа’, ‘дух’) [7, с.67]. Пословица 「親の心子知らず」 (Oya no kokoro ko shirazu) – служит идеальной иллюстрацией этой целостности [9]. Её буквальный перевод ‘Сердце [и разум] родителя неведомы ребёнку’, но более распространённый вариант: ‘Родительская любовь (забота) неведома детям’, где ‘kokoro’ именно комплексное чувство заботы. Речь идёт о внутреннем состоянии, полном заботы, тревоги о будущем, жизненной мудрости и предусмотрительности. Родительское сердце это интегрированный сплав любви (эмоция), расчёта и планирования (интеллект) и глубокой ответственности (духовно-нравственный аспект). Ребенок, не имеющий жизненного опыта, часто видит лишь поверхностные проявления родительской воли (запреты, наставления), но не способен воспринять глубинный комплекс переживаний и мыслей, стоящий за ними [10]. Таким образом, пословица не просто констатирует непонимание, а встраивается в систему традиционных японских ценностей, подчёркивая важность сыновней почтительности (ко:о:) 「孝行」 и признания мудрости старших.

Концепт ‘рука» как символ деятельности, контроля и участия действительно является универсальным, что находит отражение в паремиях многих языков [11], например, в русской ‘Руки работают, а голова кормит’ или английской ‘Many hands make light work’.

В японском языке концепт 「手」 (te) развивает универсальную метафорику, но при этом демонстрирует уникальную семантическую ёмкость

и грамматикализацию, отражающие специфику японского мировоззрения [7]. Как и в европейских языках, 「手」 (te) обозначает физическую деятельность и занятость: выражение 「手が空く」 (te ga aku), букв. ‘рука освобождается’, означает, что у человека появилось свободное время, то есть он готов к новым действиям.

Наиболее показательной является способность 「手」 (te) обозначать не просто помощь, а непосредственное физическое участие и содействие [9]. Идиома 「手を貸す」 (te o kasu) – ‘одолжить руку’ – подразумевает не абстрактную поддержку, а конкретное действие, когда кто-то буквально прикладывает свои руки к решению проблемы другого, что отражает ценность не столько абстрактной ‘коллективности’, сколько прагматического сотрудничества и взаимозависимости 「相依い」. Однако уникальной чертой японского 「手」 (te) является его крайняя продуктивность в сфере обозначения способов, методов и ресурсов. Выражение 「手を尽くす」 (te o tsukusu) – ‘испробовать все руки’ (исчерпать все методы) – раскрывает представление о том, что методы – это не абстрактные схемы, а конкретные, доступные ‘инструменты’ действия, которыми человек ‘располагает’. Данная метафора пронизывает язык: 「手が早い」 (te ga hayai) – ‘руки быстрые’ (о человеке, который быстро переходит к действию, часто с оттенком физического насилия или сексуального домогательства), 「手を変え品を変え」 (te o kae shina o kae) – ‘меняя руки и товары’ (используя все новые и новые методы). Даже слово 「手段」 (shudan) – ‘средство, метод’ – содержит иероглиф 「手」 (te).

Таким образом, японский концепт 「手」 (te) представляет собой не просто аналог европейской ‘руки’, а сложную семантическую сеть, центрированную вокруг идеи конкретного, инструментального действия и прагматического управления ситуацией [9]. Его частотность в значении ‘метода’ указывает на глубоко укорененное в культуре восприятие решения задач через наличие конкретных, осязаемых ‘инструментов’ в распоряжении человека или группы.

Наиболее яркие расхождения в соматическом коде проявляются в наличии культурно-специфичных концептов, которые не просто отсутствуют в других языках, но и структурируют собой целые пласты мировоззрения [10]. В японской культуре идентифицируется уникальный соматический код ‘кэй’ (汗), объединяющий пот и слёзы как метафору тотальных усилий и не просто вербализацию ценности, а её архетипической, телесной метафорой [7]. Он визуализирует и материализует абстрактное

понятие ‘усилие и поведенческой установки’ 「頑張る」 (ganbaru) ‘проявлять стойкость духа и прилагать все усилия до конца’ как социально одобряемая модель поведения, ожидаемая от члена группы. Результат такого труда выражается, например, во фразе 「汗と涙の結晶」 (Ase to namida no kesshō) – ‘Кристалл [из] пота и слёз’ о результате, который был буквально ‘кристаллизован’ из физических усилий (пот) и душевных страданий (слёзы), но это не просто описание труда, а его поэтизация, где создаётся образ тяжелого труда превращающегося в нечто прекрасное и ценное, подобное драгоценному камню [9].

Устойчивое выражение, обозначающее запредельную степень усилия, работу вне человеческих возможностей выражена идиомой 「血の汗を流す」 (Chi no ase o nagasu) – ‘проливать кровавый пот’ или более идиоматичный русский перевод ‘работать до кровавого (седьмого) пота’. В отличие от русских паремий, акцентирующих результат труда (‘дело мастера боится’), данный код фокусируется на ценности самого процесса, сопряжённого с жертвой [11]. Данный код не имеет структурных аналогов в русской или английской паремиологии, где труд чаще метафоризируется через ‘руки’ или ‘спину’, но не через физиологические жидкости, символизирующие тотальную самоотдачу, что отражает японскую культурную модель, где процесс, сопряжённый с лишениями, ценится не менее, а иногда и более, чем результат.

Для русской языковой картины мира фундаментален код ‘лица’ как чести / стыда (‘без стыда лица не износишь’) [11]. Выражение ‘не ударить лицом в грязь’ это не только подтверждение внутренней состоятельности, но и состоятельности перед лицом общества, защита личного достоинства в публичном пространстве [11]. Русское ‘лицо’ имеет социальное измерение, но оно основано на внутренней чести, в то время как японское ‘mentsu’ на социальном статусе и репутации. В японском языке концепт 「面目」 (menboku) это ‘лицо’ в смысле репутации, но не внутреннего чувства чести и стыда (как в русском), а внешнего, социального облика, престижа в глазах группы, то есть ‘лицо’, которое даруется обществом и может быть утрачено. Концепт 「メンツ」 (mentsu) – ‘лицо’, заимствованный из китайского (面子, miànzi) как синоним 「面目」 (menboku), тесно связан не только с личным престижем, но и с ответственностью перед группой. Потеря лица индивидом бросает тень на всю группу (семью, компанию), что усугубляет степень позора. Его сохранение является главной целью следования сложной системе долга 「義理」 (giri) – жёсткий долг признательности и моральных обязательств перед вышестоящими, группой или обществом [9].

Сравнительный анализ паремий с соматическим компонентом выявляет их функцию как диагностических маркеров базовых культурных установок. Если русская картина мира акцентирует антиномии (внутреннее/внешнее, разум/чувства), а английская – прагматический контроль, то японская ориентирована на идеи гармонии, долга и упорства, что находит отражение в её соматической терминологии [13].

В японской лингвокультурной традиции существует система различения психосоматических центров, не имеющая прямого аналога в европейских языках. В её рамках 「胸」 (mune, грудь) – ассоциируется с более поверхностными, трепетными чувствами и 「心」 (kokoro, сердце/душа) как место локализации сиюминутных, открыто проявляемых чувств. В то же время 「腹」 (hara, живот) с глубинными, истинными и часто скрытыми намерениями и эмоциями (решимость, гнев, искренность), что подчеркивает системность японской ‘соматической топографии’ и представляет собой концептуальный и психосоматический центр человека, выступая резервуаром его подлинной, скрытой от внешнего мира сущности.

Именно в hara сосредоточены глубинная воля, сокровенные намерения и бессознательные эмоции, которые в идеале следует скрывать для поддержания социальной гармонии, что делает этот концепт ключевым для понимания японской коммуникативной этики [7]. Hara как центр воли и решимости: 「腹を決める」 (hara o kimeru) букв. ‘решить в животе’. Речь идёт о глубинном, безоговорочном принятии решения, за которым стоит вся воля человека, решение, принятое после внутренней борьбы и готовности нести последствия. Hara как центр скрытых эмоций (чаще негативных): 「腹が立つ」 (hara ga tatsu) букв. ‘живот встаёт’, но эта фраза описывает глубокий, сдерживаемый гнев, который поднимается из глубин чрева, в отличие от более спонтанного раздражения «頭にくる» (atama ni kuru – ‘приходить в голову’). Hara как центр искренности и коммуникации: 「腹を割って話す」 (hara o watatte hanasu) – букв. ‘говорить, разрезав живот’ – акт полного самораскрытия, когда человек ‘вскрывает» своё сокровенное внутреннее пространство (hara), чтобы показать истинные намерения [9].

Высокая частотность концепта Hara в языке маркирует фундаментальную для японской культуры оппозицию ‘омотэ/ура’ (表/裏) – ‘лицевая/изнаночная сторона’. 「建前」 (tatemae) – публичная, социально ожидаемая позиция, соответствующая статусу и ситуации – как общение на уровне ‘головой’ и ‘лица’ (mentsu). 「本音」 (honne) – подлинные, часто скрываемые чувства и желания. Таким образом, общение на уровне hara как

общение на уровне *honne*, высшая степень доверия и близости. Отсюда и важность ‘чтения воздуха’ 「空気を読む」 (*kuuki o yomu*), то есть интуитивного понимания истинных намерений собеседника, которые он не высказывает прямо.

Определение ядерных соматизмов в паремиях позволяет выявить не просто частотные слова, а культурные доминанты – ключевые концепты, вокруг которых кристаллизуется коллективный опыт и ценности [13]. Доминанты выполняют функцию культурных архетипов, аккумулирующих и транслирующих из поколения в поколение базовые модели поведения и мировосприятия. Именно через их призму можно понять ‘динамику памяти’ культуры, а именно, что она выбирает помнить, каким опытом наделяет высший авторитет традиции и как это влияет на адаптацию к меняющимся условиям (см. таблицу 1).

Русская лингвокультура: Ядро ‘Душа’ vs ‘Сила’ – память экзистенциального выбора. Ядерные соматизмы: ‘Душа’ и, в несколько ином ключе, ‘Сила’.

Культурная динамика памяти: ‘Душа’ является абсолютным ядром, маркирующим внутренний, невидимый мир человека, его морально-нравственный стержень и эмоциональную глубину. В русской паремиологии ‘Душа’ часто противопоставляется не только «телу», но и формальному, внешнему закону (‘Душа всему мера’, ‘С души долой – и с тела долой’), что подчеркивает её примат как внутреннего морального судии. Паремии с этим компонентом хранят память о примате искренности, соборности и духовной общности над формальными отношениями – память о ценности «внутреннего человека».

Культурная динамика памяти: ‘Сила’ в паремиологическом фонде (‘Сила есть – ума не надо’, ‘Силён, да не прав’, ‘Сила солому ломит’, ‘Одна рука и в ладоши не бьёт’) хранит амбивалентную память. С одной стороны, это память о необходимости физической мощи для выживания в суровых условиях. С другой – это критическая память, предупреждение о бесполезности силы без справедливости и ума. Данная амбивалентность отражает исторический опыт народа, постоянно балансирующего между необходимостью коллективного усилия и осуждением бессмысленного насилия.

Динамика русской культурной памяти, отражённая в паремиях, – это драма между стремлением к духовной гармонии (‘душа’) и суровой необходимостью физического выживания (‘сила’). Память хранит не рецепт успеха, а экзистенциальный выбор между правдой-искренностью и мощью-принуждением.

Английская лингвокультура: Ядро ‘Голова’ и ‘Рука’ – память прагматического успеха. Ядерные соматизмы: ‘Head’ (голова) и ‘Hand’ (рука).

Культурная динамика памяти: ‘Head’ олицетворяет рациональный контроль, расчёт, благоразумие и личную ответственность. Паремии хранят память об успешных стратегиях выживания, основанных на индивидуализме, самоконтроле и планировании – это память, отфильтровавшая эмоциональные порывы как угрозу эффективности.

Культурная динамика памяти: ‘Hand’ символизирует прагматическое действие, владение, практицизм и выгоду. Пословица ‘A bird in the hand is worth two in the bush’ – это квинтэссенция культурной памяти, отдающей приоритет реальному, достижимому и контролируемому активу перед потенциальными, но рискованными возможностями. Динамика памяти английской культуры – это память о технологиях успеха. Она инструментальна и ориентирована на результат. Паремиологическое ядро хранит и транслирует не моральные дилеммы, а проверенные временем рецепты личного и экономического благополучия через рациональность и практическое действие.

Японская лингвокультура: Ядро ‘Хара’ и ‘Кэй’ (Пот/Слёзы) – Память о долге и упорстве. Ядерные соматизмы: 「腹」 (Hara, живот) и 「汗」 (Ase, пот) / 「涙」 (Namida, слёзы) как единый код усилия.

Культурная динамика памяти: ‘Hara’ – это соматизм, хранящий память о социальной иерархии, долге и скрытой, но подлинной коммуникации. Идиомы отражают память о том, что истинные намерения должны быть глубоко скрыты, а решения – выношены и безоговорочны, чтобы не нарушать групповую гармонию – память о ценности внутренней стойкости и соответствия своей социальной роли.

Культурная динамика памяти: код ‘Пота и Слёз’ хранит память о ‘гамбару’ – культурном императиве упорства и стойкости. ‘Пот и слёзы’ как проявление, внешний знак более глубокой культурной установки. Ядром является не просто физиологический процесс, а концепт 「苦勞」 (kurō) – тяготы, лишения, упорный труд, или 「努力」 (doryoku) – усилие. Культурная память обеспечивает легитимность труда и страдания как пути к достижению цели и социальному признанию.

Динамика японской культурной памяти – это память о поддержании групповой гармонии через внутреннюю стойкость (hara) и самоотверженное усилие (ase/namida). Память направлена не на индивидуальный успех или

экзистенциальный выбор, а на воспроизводство модели идеального члена группы, который ставит долг и упорство выше личных интересов и эмоций.

Таблица 1

Соматическое ядро и культурная память

Лингвокультура	Ядерные соматизмы	Культурная динамика памяти
Русская	‘Душа’, ‘Сила’	Память об экзистенциальном выборе между духовной искренностью и необходимостью физического выживания.
Английская	‘Head’ (Голова), ‘Hand’ (Рука)	Память о технологиях индивидуального успеха , основанных на рациональности, контроле и прагматизме.
Японская	「腹」 (Hara) – внутренний центр, 「苦勞」 (Kurō) – тяготы / усилие (метафорически: пот / слёзы)	Память о примате групповой гармонии , обеспечиваемой сокрытием истинных намерений («хара») и культом самоотверженного усилия.

Таким образом, соматическое ядро паремиологического фонда каждой лингвокультуры непосредственно репрезентирует и определяет её культурную динамику памяти, а также выступает в роли мнемонического кода, который:

1. Кристаллизует главный исторический и экзистенциальный опыт нации.
2. Выбирает те модели поведения, которые данная культура наделяет высшей ценностью и авторитетом традиции.
3. Транслирует эти модели следующим поколениям в сжатой, афористичной и легкоусвояемой форме.

Список литературы

1. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
2. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

3. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
4. Wang, Q. Remembering the self in cultural contexts: A cultural dynamic theory of autobiographical memory // *Memory Studies*. 2016. Vol. 9 (3). P. 295–304.
5. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
6. Нора, П. Проблематика мест памяти // *Франция-память* / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж и др.; Пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.
7. Алпатов, В.В. Япония: Язык и культура. – М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.
8. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. 287 с.
9. Фельде, О.Я. К вопросу о японской языковой картине мира (на материале соматизмов) // *Вестник РГГУ. Серия «Востоковедение. Африканистика»*. 2017. № 4 (31). С. 68–80.
10. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. 236 с.
11. Варина, Е.А. Соматический код русской культуры: выражение эмоций и ценностных смыслов (на материале фразеологии и паремиологии) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. № 61. С. 152–170.
12. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 192 с.
13. Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

**SOMATIC CODE OF CULTURAL MEMORY:
PAREMIOLOGICAL UNIVERSALS AND ETHNOCULTURAL SPECIFICITY
(BASED ON RUSSIAN, ENGLISH, AND JAPANESE LANGUAGES)**

A.R. Nurutdinova

The aim of this research is to identify and conduct a comparative analysis of paremiological units with a somatic component in the Russian, English, and Japanese languages. The work is focused on establishing universal and ethno-specific features in the representation of cultural memory encoded in bodily metaphors. The methodology is based on linguocultural and comparative analysis, which allows for determining the core of common anthropological concepts and the periphery of culturally conditioned meanings. As a result of the study, it has been established that universality is based on the commonality of human physiological experience, while specificity is determined by the national worldview, value system, and peculiarities of mentality. Based on the analysis of paremiological units with a somatic component, it is proven that the body serves not only as a biological but also as a fundamental cultural and symbolic resource for comprehending and verbalizing key life concepts.

Keywords: somatic code, cultural memory, paremiology, linguistic worldview, cultural linguistics, comparative analysis, Russian language, English language, Japanese language.